

нестдѣлимаго отъ Бога Отца. Единство безъ слиянія, различіе безъ розни — есть точное опредѣленіе *сознанія* и *жизни*. Тогда какъ слияніе и рознь, т. е. единство, перешедшее въ слияніе, и различіе, сдѣлавшееся рознью, суть опредѣленіе *слѣпоты* и *смерти*. Поэтому требованіе превращенія слѣпой, смертоносной силы въ разумную и живоносную есть требованіе, заключающееся въ догматѣ Троицы, и исполненіе этого требованія составляетъ за дачу, дѣло человѣческаго рода.

Исповѣдуя Бога *Вседержителемъ* и *творцемъ* міра (1-я часть Символа вѣры), мы не можемъ не каяться въ расхищеніи созданнаго Имъ, должны признать себя *истребителями* и *разрушителями* не поддерживающими, а разрушающими порядокъ въ природѣ. И не отрекаясь отъ подобія Ему, мы не можемъ видѣть своего назначенія въ присвоеніи лишь того, что *не создано* нашимъ трудомъ. не можемъ видѣть своего назначенія въ томъ, чтобы быть собственниками созданнаго Богомъ міра, — наше значеніе можетъ заключаться только въ томъ, чтобы быть приказчиками, орудіями исполненія воли Божіей въ мірѣ, орудіями управленія тою силою, которая, будучи оставлена своей слѣпотѣ, несетъ голодь, болѣзни и смерть, которая несообразно нуждамъ распредѣляетъ свои средства, свои дары, несетъ дождь туда, гдѣ его не надо, сожигаетъ тамъ, гдѣ нужно только согрѣвать и т. п.; по этому мы виновны не въ томъ только, что дѣлаемъ (хищничество) но и въ томъ злѣ, которое происходитъ по нашему бездѣйствію. Нельзя сказать, что Богъ создалъ слѣпую силу, ибо Онъ создалъ и разумную, и только по бездѣйствію послѣдней творитъ зло первая. Поэтому заповѣдь, заключающаяся въ первомъ членѣ *Символа* вѣры, требуетъ отъ всѣхъ *безъ исключенія* и знанія природы и управленія ею, чтобы обратить ее изъ смертоносной въ живоносную. — Ученіемъ объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ (2-я часть Символа) призываются всѣ люди къ признанію себя *сынами всѣхъ умершихъ отцовъ и, слѣдственно, братьями всѣхъ живущихъ*, призываются къ *познанію* себя сынами, внуками, потомками... отцовъ, дѣдовъ, прадедовъ, *праотца*. И такое познаніе есть исторія, не знающая исключеній, не знающая недостойныхъ памяти безъ различія званія, пола и т. п.; такая исторія самое именованное лишь поименованіе должна превратиться въ знаніе. Въ ученіи о сынѣ человѣческомъ подразумѣвается и дочь, насколько въ ней общаго съ сыномъ, и подразумѣвается именно тогда, когда говорится о сынѣ, какъ о *словѣ*, т. е. знаніи; это значитъ, что и дочь обязана участвовать въ знаніи, — въ знаніи всѣхъ отцовъ, познаваемыхъ какъ одинъ отецъ, въ знаніи и природы, какъ средства обращенія слѣпой, смертоносной силы въ живоносную. Ученіемъ же о Духѣ святомъ призывается къ покаянію дочь человѣческая въ особенности, этимъ ученіемъ она призывается къ признанію себя дочерью *всѣхъ* умершихъ родителей, призывается къ познанію себя не въ отдѣльности или розни, а въ совокупности, призывается къ сану *мѣроносицы* (живоносной, жизнь приносящей). И притча о блудномъ сынѣ относится не къ однимъ сынамъ; забвеніе братства и Бога, какъ существа совершеннѣйшаго, напоминающаго намъ о нашемъ несовершенствѣ, недостойствѣ, такое забвеніе ведетъ къ самовозвеличенію, дѣлающемуся сознаніемъ собственныхъ достоинствъ, собствен-